РАЗДЕЛ III. НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

А.А. Антонов-Овсеенко, кандидат исторических наук, кафедра истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: antonov-ovseenko@mail.ru

ГАЗЕТЫ ПЕТРОГРАДА И МОСКВЫ В ПЕРИОД АКТИВНОЙ ФАЗЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

В статье представлен анализ причин прекращения выпуска периодических печатных изданий Петрограда и Москвы в период Февральской революции. В качестве главной причины названы действия исполнительных органов власти старого режима, среди других причин — сами революционные события на улицах Петрограда, участие в которых принимали и типографские служащие. Представлены условия возобновления выпуска печатных изданий нового качества и действия, зародившиеся в ходе революции органов власти, направленные на регулирование вопросов печати.

Ключевые слова: *революция, демократия, свобода слова и печати, Временное правительство, Исполком Совета.*

The article sheds light on the causes of periodicals closure in Petrograd and Moscow in the February Revolution period. As a main cause the activity of tsarist regime executive bodies should be outlined. As another important cause of periodicals closure revolutionary developments in the streets of Petrograd and in the State Duma should be noted, in which a lot of people, including printers, took part. Conditions of appropriately modernized periodicals publication are suggested, movements of new government bodies begotten by revolution aimed to control the press issues are analyzed.

Key words*: revolution, democracy, liberty of speech and freedom of the press; Provisional government; executive Committee of Soviet.*

Цензурные ограничения, стеснявшие свободу слова в России в целом и налагавшие серьезные ограничения на периодическую печать, послужили среди прочего мощным катализатором событий в Петрограде в конце февраля 1917 г. Оправдываемые военным временем, но призванные на самом деле поддержать падавший авторитет монархии, ограничения эти вызывали нараставшее недовольство в обществе, причем как в среде интеллигенции и буржуазии, так и в среде рабочих, солдат и крестьян. В конце февраля в Петрограде произошел социальный взрыв, подготовленный многочисленными забастовками рабочих, вызванными в свою очередь недовольством условиями труда и недостатком продовольствия: забастовочное движение нарастало и охватывало все новые районы

Петрограда, бастовали также и женщины-работницы текстильных фабрик Выборгского района, с которых, по современным источникам, и началось главное выступление 23 февраля (8 марта) 1917 г. [Минаева, 2003, с. 40]; выступления же рабочих Путиловского завода считаются наиболее мощными. Старый режим пытался подавить эти выступления старыми же полицейскими методами, что в свою очередь вызвало еще большее недовольство, поддержанное уже войсками Петроградского гарнизона. К недовольству рабочих и солдат на улицах присоединилась депутатская деятельность по образованию новых органов власти внутри Государственной думы, причиной для которой в свою очередь послужил указ царя о прекращении заседаний Госдумы до 1 апреля, т.е. фактически о ее роспуске. В итоге участь старого режима была решена.

Одновременно с революционными событиями в Петрограде — уличными выступлениями и деятельностью думцев, в совокупности приведшими к коренным изменениям в стране и режде всего к смене политической системы, произошел перерыв в выпуске газет, разобраться с параметрами которого и призвана данная работа.

Причины прекращения выпуска газет: старая власть и печать

Документы, на основании которых в конце февраля 1917 г. был прекращен выпуск газет, и даже сам факт существования таких документов, указов или распоряжений, доподлинно не установлен. Однако оставшиеся от того времени сведения, прежде всего описывавшие происходящее газетные публикации, позволяют выделить несколько главных причин перерыва в выпуске периодических изданий в России в конце февраля — начале марта 1917 г.

Во-первых, выпуск распоряжений подобного рода — о прекращении выпуска газет — являлся прерогативой Департамента полиции Министерства внутренних дел, возглавляемого с 1916 г. последним царским министром А.Д. Протопоповым, известным своими верноподданническими убеждениями и жесткими мерами по отношению к критическим выступлениям даже и подцензурной печати. Примером таких мер может служить высылка из Петрограда в Иркутск в январе 1917 г., по личному распоряжению А.Д. Протопопова, одного из редакторов газеты «Русская воля» писателя А.В. Амфитеатрова: недовольству министра не помешало даже то, что газета эта выходила по инициативе самого А.Д. Протопопова, и он по меньшей мере не возражал против сотрудничества в газете ранее уже высылавшегося из столицы за свои антимонархические выступления в прессе А.В. Амфитеатрова. Однако исполнение этого наказания было прервано февральскими событиями, а сам писатель немедленно по возвращении в Петроград опубликовал в «Русской

воле» № 1 от 5 марта статью под заголовком «Невозвратное», в которой среди прочего говорилось: «Лечу отдать всю свою энергию, все свои силы в распоряжение новой великой России». Такую телеграмму отправил я три дня тому назад на имя М.В. Родзянко из Ярославля, в котором отбывал я, больной, перерыв в невеселом пути в Иркутск, куда соизволил, было, сослать меня г. Протопопов... Дальше Ярославля мне ехать не пришлось, потому что случилось именно как раз то, что... предсказывалось: прилетел революционный ураган и смял, и смел в реакции старого русского режима вся и все, а чуть ли не прежде всего именно вот этого самого удивительного г. Протопопова...»

Во-вторых, среди прочих действий старого режима 26 февраля на совещании у председателя последнего царского правительства Н.Д. Голицына было принято решение объявить Петроград на осадном положении, которое наряду с введением комендантского часа подразумевало ограничения на выпуск прессы.

В-третьих, уличные выступления во второй декаде февраля достигли такого масштаба, который сделал невозможным не только нормальное функционирование государственной власти, но и осуществление любой предпринимательской деятельности, в том числе работу типографий. Демонстрации переросли в столкновения с полицией, началась стрельба, в результате чего, по многочисленным свидетельствам, была прервана работа транспорта (даже трамваи прекратили движение к концу февраля в Петрограде), и стал невозможен подвоз сырья на заводы, а в типографии — бумаги для производства газет. Кроме того, типографские рабочие неминуемо принимали участие в выступлениях наряду с рабочими других предприятий, а в Москве, по некоторым данным, прекращали работу в связи с отказом издателей публиковать в газетах информацию о событиях в Петрограде [Овсепян, 1999, с. 25].

Наконец очевидно, что некоторые издатели на вполне добровольной основе прекращали выпуск газет из-за непредсказуемости обстановки и опасений насильственного закрытия изданий в случае осуществления публикаций о происходящем (за что вряд ли следует осуждать таких издателей, однако столь же необходимо отдать и дань уважения тем, кто не прекратил информирование общественности о происходящем).

Эти причины, связанные с широко известными объективными обстоятельствами, и послужили прекращению выпуска газет.

Кроме того, несмотря на уделяемое здесь первоочередное внимание перерыву в выпуске газет Петрограда и Москвы, отдельного упоминания заслуживает и ситуация с выпуском газет в провинциях Российской империи в феврале—марте 1917 г. Появились подтверждения, что со стороны старой власти были предприняты

специальные действия, быть может только не оформленные документально, по приостановлению выпуска печатных изданий в провинциях. Газета «Русское слово» в № 49 от 3 марта в выделенном курсивом заявлении от редакции (без заголовка) прямо сообщает о насильственном характере этих действий: «Вследствие технических затруднений, испытываемых типографией "Русского слова" в настоящие дни, мы лишены возможности напечатать в номере сообщения наших корреспондентов о событиях в Ярославле, Костроме, Харькове, Нижнем Новгороде, Царицыне и др. В некоторых городах уже состоялось присоединение к новому правительству. Арестованы губернаторы, полиция. В других губернаторы и жандармские власти все еще запрещают печатание агентских телеграмм и конфискуют газеты».

Новое качество российской печати

До сих пор было принято считать, что подцензурная печать не могла сообщать о том, что происходило на улицах Петрограда и в Госдуме: и оттого что многие газеты прервали выпуск, и потому что издатели продолживших выпуск газет не публиковали информацию из опасений их закрытия. Это верно лишь отчасти. Некоторые издания действительно прекратили выпуск надолго: период от четырех до семи дней в условиях быстро разворачивавшихся событий должен считаться длительным. Другие же прекращали выпуск всего на один-два дня, причем еще до перерыва успев сообщить о начавшихся в Госдуме межфракционных переговорах о созыве экстренного заседания.

Кроме того, в разгар революционных событий появились новые газеты, которые ставили своей задачей наиболее полное информирование общественности о происходящем.

Все эти действия необходимо отнести к появлению принципиально иного качественного состояния прессы в России — прессы, выходившей уже в условиях всех политических свобод, включая свободу слова. Появлению этого нового качества прессы сопутствовали следующие факторы и подробности.

Во-первых, что касается изданий, прекращавших выпуск лишь на незначительное время: две газеты — «Русское слово» в Москве и «Русские ведомости» в Петрограде остановили выпуск лишь на два дня, — 28 февраля и 1 марта, возобновив его уже 2 марта. При этом последний февральский выпуск «Русского слова», вышедший без порядкового номера с подзаголовком «Бюллетень 27 февраля», подробно рассказывал о межфракционных переговорах в Государственной думе по поводу созываемого вопреки указу царя экстренного заседания. В тот же день, 27 февраля, вышло и «Экстренное

приложение к № 47» (таков был подзаголовок названия) газеты «Русские ведомости», хотя и не сообщавший о переговорах в Госдуме, но обнародовавший важные подробности происходившего с печатной прессой в те напряженные дни: в сообщении под заглавием «Петроградские газеты» говорилось, что «Сегодня в Петрограде вышли только газеты “Свет”, “Земщина”, “Петроградские ведомости”, “Торгово-промышленная газета” и “Правительственный вестник”. Завтра газеты “День”, “Речь”, “Новое время”, “Биржевые ведомости” и “Русская воля” не выйдут». «Русские ведомости», таким образом, пополнили список изданий, не прекращавших выпуск по крайней мере до 27 февраля, но при этом отсутствует указание на источник информации и причины, по которым не вышли в свет другие газеты, а также ожидается их невыход далее. Очевидно, это были собственные, в некоторых случаях ошибочные сведения редакции, поскольку, например, последний февральский номер «Биржевых ведомостей» в действительности вышел в свет 28 февраля — вопреки утверждению «Русских ведомостей». Тем не менее газеты «Русское слово» и «Русские ведомости» стали фактически провозвестниками нового, свободного характера российской прессы.

Во-вторых, в разгар революционных событий начали выпуск новые газеты: 27 февраля, когда в Москве вышел последний февральский номер «Русского слова», а в Петрограде — «Русских ведомостей», в Петрограде в то же время уже вышел первый номер «Известий революционной недели», изданный Комитетом петроградских журналистов и выпускавшихся до 5 марта, когда большинство газет уже полностью возобновили выход в свет [Минаева, 2003, с. 40]; аналогичное издание — «Известия московской печати» увидело свет 1 марта [там же, с. 41], а 28 февраля вышел и первый номер «Известий Петроградского совета рабочих депутатов».

При этом инициативы профессиональных журналистских объединений по выпуску новых изданий немедленно получили поддержку их коллег из редакторского корпуса. В информации под заголовком «В Обществе редакторов», опубликованной в «Русском слове» № 50 от 4 марта, сообщается о такой поддержке, высказанной в ходе состоявшегося 2 марта заседания Всероссийского общества редакторов: «Выслушав доклад представителей совета общества об исполнении возложенного собранием 1-го марта поручения обратиться к исполнительному комитету Государственной Думы для принятия мер к обеспечению немедленного нормального выхода ежедневных газет, общее собрание вновь отмечает настоятельную для государственных интересов необходимость появления ежедневных газет и, позаботившись со своей стороны о преодолении возникших технических препятствий, поручает совету принять все

меры к осуществлению немедленного выхода газет. Приветствуя самоотверженное и стойкое выполнение профессионального долга, проявленное комитетом петроградских журналистов в нынешние исторические дни, общее собрание всероссийского общества редакторов ежедневных газет единогласно постановило поручить совету войти в переговоры с комитетом журналистов о порядке печатания "Известий" в целях наиболее широкого и равномерного их распространения».

В-третьих, всего через день-два, 2 и 3 марта, целый ряд газет — помимо «Русского слова», «Русских ведомостей» и новых изданий — возобновили выпуск, присоединившись таким образом к новой, свободной прессе, в частности московские газеты — «Утро России» (издание Партии прогрессистов П.П. Рябушинского), «Раннее утро», «Московский листок». В марте все возобновившиеся газеты уже подробно освещали происходящее, публикуя наряду с Манифестом об отречении от престола Николая II поименные списки Временного комитета Государственной думы и состава Временного правительства.

Замечательными представляются атмосфера, окружавшая возобновление выпуска старых изданий и появление новых газет, а также ажиотаж, возникший вокруг розничного распространения газет. Так, упомянутый выпуск «Русского слова» № 50 от 4 марта опубликовал «Обращение совета редакторов к читателям», в котором говорилось: «Всероссийское общество редакторов повседневных газет постановило обратиться к читателям газет, входящих в состав общества, со следующим воззванием: Злостное пренебрежение старого режима к священным интересам Родины привело к полному его крушению... Управление старого режима сопровождалось нарушением нормального порядка, расстройством всей жизни, которое вызывает тревогу, и возникновением самых чудовищных слухов... Стойко и организованно сплотимся вокруг Государственной Думы и дружно поведем настрадавшуюся Родину на светлый путь мирного развития». При этом реальное существование упомянутых в обращении «чудовищных слухов», служивших подчас причинами трагических инцидентов, наглядно подтверждается соседствующей публикацией под заголовком «Вздорные слухи»: «Среди населения Петрограда циркулирует слух, будто со Спасо-Преображенского лейб-гвардии собора сняты пулеметы, которыми якобы 3-го марта обстреливались войска, собравшиеся на площади для выслушания речей членов Государственной Думы Родичева и Назарова. Этот вздорный и совершенно ложный слух злонамеренно распространяется до сих пор, вследствие чего собор неоднократно подвергался обстрелу. Желая положить предел этому печальному явлению, я как член Государственной Думы и служащий при на-

званном соборе свидетельствую, что слух не имеет никаких оснований. Никаких пулеметов со Спасо-Преображенского собора никто не снимал, и таковых никогда там не было... Член Государственной Думы протоиерей Адриановский».

Тот же выпуск газеты «Русское слово» № 50 от 4 марта, богатый на важные для изучения проблемы перерыва в выпуске печатных изданий сведения, рассказывал, в частности и о том, какое влияние на увеличение спроса на информацию оказал этот перерыв. В заметке под красноречивым заголовком «Колоссальный спрос на газеты» сообщалось: «Сегодня в Петроград после долгого промежутка времени прибыли московские газеты с подробным изложением всех петроградских событий. Едва только поезд остановился, как к багажному вагону, в котором следовали газеты, бросилась толпа артельщиков. Началось форменное сражение, которое затем перенеслось к киоскам и магазинам. В течение нескольких минут московских газет не стало. Перед магазином Т-ва И.Д. Сытина на Невском стояла огромная толпа народа. Когда приказчик заявил, что все номера «Русского слова» проданы, начались протесты, и толпа только после того, как сама удостоверилась, что ни одного номера газеты не осталось, стала расходиться. Затем в течение целого дня московские газеты котировались, как биржевые бумаги: за номер платили 100 и даже 1000 рублей. У некоторых пунктов, где производился сбор в пользу революционных нужд, начался своеобразный аукцион. Сначала продавались стихи на смерть Распутина, затем обгоревшие бумаги из охранного отделения и другие реликвии реакции. У кафе «Пекарь» аукцион достиг грандиозных размеров. Один из номеров «Русского слова» был продан за 10 000 рублей, пожертвованных в пользу революции директором товарищества «Жест» Левенсоном. В течение целого дня в петроградское отделение газеты «Русское слово» обращался ряд учреждений с просьбами продать им номера газет, предлагая какие угодно деньги. Вообще следует отметить колоссальный спрос, который проявляет сейчас столица на произведения печати. Известия, выпускаемые комитетом петроградских журналистов, печатаются в количестве 2-х миллионов экземпляров и в течение нескольких часов расходятся».

Эта опубликованная в газете «Русское слово» заметка примечательна и тем фактом, что информацию о событиях в Петрограде до петроградской же общественности первыми донесли именно московские издания: следовательно, перерыв в выпуске печатной прессы коснулся прежде всего петроградской прессы и в меньшей степени — московской. И именно поэтому «Русское слово» И.Д. Сытина со штаб-квартирой в Москве практически не прекращало выпуска — в отличие от большинства петроградских изданий.

Кроме того, важными представляются и сведения об огромном даже и по меркам сегодняшних дней тираже «Известий революционной недели», — 2 млн экз., свидетельствующем о таком недостатке достоверной информации в разгар революционных событий, который в свою очередь, спровоцировал и громадный спрос на печатную прессу.

Достоверность сообщаемых «Русским словом» сведений об атмосфере возобновления выпуска прессы подтверждают и публикации других изданий. Можно было бы, например, заподозрить «Русское слово» в необъективном преувеличении окончательной стоимости продажи на аукционе одного из экземпляров газеты, но в точности та же цифра — 10 тыс. руб. — подтверждается и в публикации под заголовком «Аукцион московских газет», вышедшей в первом возобновленном выпуске «Биржевых ведомостей» № 16120 от 5 марта: «3 марта днем на улицах Петрограда после трехдневного перерыва появились в продаже московские газеты. Спрос на них оказался колоссальным. Этим воспользовались представители различных организаций, возникших в связи с событиями. В различных местах Невского московские газеты продавались с аукциона. У Гостиного двора на импровизированной трибуне стоит студент-технолог и объявляет: — Сегодняшний нумер московской газеты «Раннее утро» — цена 5 коп, — кто больше. — 2 рубля, — выкрикивает кто-то из толпы. 10 руб., 18 руб., 28 руб., — раздаются голоса из толпы. Нумер был продан за 50 рублей. В другом месте Невского пр. нумер «Русского слова» был продан за 10 000 рублей...»

Газета «Раннее утро» в № 48 от 2 марта в заметке «Свободное слово» в торжественной (впрочем, соответствующей моменту) стилистике также сообщает об атмосфере возобновления выпуска прессы и моральной ответственности профессионалов новой, свободной печати: «Сегодня — первый с давнишних пор день, когда печать получила возможность говорить свободным языком. Счастливый, радостный день! Вместе с прежним режимом умерли так называемые цензурные условия, эти ржавые цепи, в которые он заковывал свободное слово, в ослеплении своем не видя и не понимая, что тем самым кует гибель себе... Высказываться свободным языком — это не только право печати, всякое покушение на которое противно природе вещей: это обязанность всегда, а в такую пору, как переживаемая, — особенно. С этим правом, с этой обязанностью связана огромная ответственность, и мы глубоко убеждены, что в последней отдают себе отчет все, кто с пером в руке в меру отпущенных ему сил и разумения трудится над освещением текущей жизни и участвует в построении грядущего».

Печать и новые органы власти: меры Временного правительства и Совета

Одновременно с возобновлением выпуска ранее существовавших изданий и новыми газетами свою лепту в восстановление работы прессы привнесли в первых числах марта и новые органы власти, возникшие в результате Февральской революции в стенах Таврического дворца, где до того проходили заседания Государственной думы. До сих пор первостепенное внимание в аспекте изучения проблем возобновления выпуска прессы в феврале—марте 1917 г. уделялось деятельности Временного правительства, но не обсуждалось, насколько активной была нормотворческая деятельность Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов.

Первые шаги Временного правительства в направлении регулирования вопросов печати были предприняты на двух заседаниях 4 марта: на первом из двух заседаний было решено назначить П.П. Гронского комиссаром Временного правительства по Петроградскому телефонному агентству и «Вестнику Временного правительства» (быв. «Правительственному вестнику»); второе заседание ознаменовалось постановлением об упразднении Главного управления по делам печати [Архив новейшей истории России, 2001, с. 30]. Таким образом, Временное правительство фактически прекратило цензурный надзор за печатными изданиями, который при старом режиме и осуществляло упраздненное Главное управление царского МВД (цензура, однако, была упразднена лишь временно, подробности ее возобновления — предмет другого исследования). Широко известно и принятое Временным правительством постановление от 27 апреля, начинавшееся со слов: «Печать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается» [там же, с. 358].

Однако лишь недавно стало известно содержание решений Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, также направленных на регулирование выпуска печатной прессы (проблемы двоевластия и дублирования решений Временного правительства и Совета также являются предметом другого исследования).

Сначала в № 49 от 3 марта (в том же номере, в котором сообщается о запрещениях и конфискациях печати в провинциях) газета «Русское слово» публикует краткое сообщение под заголовком «Разрешение газет», свидетельствующее об активности в этом направлении Исполкома Совета: «Совет рабочих депутатов постановил разрешить выход газет, которые не будут противодействовать революционному движению».

За этим сообщением последовала публикация в № 9 «Известий Петроградского совета» от 8 марта под заголовком «Воспрещение черносотенных изданий»: «По постановлению Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов воспрещены к выходу все черносотенные издания (“Земщина”, “Голос Руси”, “Колокол”, “Гроза”, “Русское знамя” и пр.). Что же касается газеты “Новое время”, то ввиду того что редакция этой газеты стала выходить без предварительного разрешения Совета рабочих и солдатских депутатов, то решено приостановить издание и этой газеты, впредь до особого распоряжения. Вместе с тем Исполнительным комитетом постановлено довести до сведения издателей газет и журналов, что без особого разрешения Исполнительного комитета выпуск изданий воспрещается».

Наконец в № 14 от 14 марта «Известия Петроградского совета» публикуют сообщение под заголовком «О выходе газет»: «В заседании 10 марта Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов постановил допустить беспрепятственный выход всех периодических изданий без различия направлений. При этом Исполнительный комитет, конечно, оставляет за собой право принимать соответствующие меры против изданий, которые позволят себе в переживаемую революционную эпоху вредить делу революции и свободы русского народа».

Оставив рассуждения о наличии или отсутствии у членов Исполкома Совета моральных прав на выбор критериев для оценки «вреда делу революции», следует отметить, что этот новый орган власти фактически самопровозгласил себя главным регулятором в деле выпуска печатных изданий. Это подтверждается и недавно обнаруженными «Удостоверениями» и «Разрешениями» на выпуск газет, которые счел для себя возможным выпускать Исполком Совета. В одном из таких «Удостоверений» от 4 марта, в частности говорится: «И.К.С.Р. и С.Д. не встречает препятствий к тому, чтобы приступить к работе по набору, печатанию, выпуску и распространению газеты “Правительственный Вестник” (подпись “Член Исп. Ком.” — без расшифровки, неразборчиво)»[1]. Подобные же удостоверения Исполком Совета выдавал в тот день издателю Касаткину на возобновление газеты «Голос Народа»[2], газете «Огонек»[3] и другим изданиям. При этом в течение одного дня 4 марта менялись и форма, и содержание выдававшихся «Удостоверений». Так, текст «Удостоверения», выданного газете на латышском языке «Новый... листок» (неразборчиво, от руки) был заполнен уже на типографском бланке Исполкома Совета с использованием маши-

[1] ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 53. Д. 45. Л. 1.
[2] Там же. Л. 2.
[3] Там же. Л. 3.

нописного базового текста «Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских депутатов не встречает препятствия к набору и печатанию...», далее от руки — какому изданию выдавался документ. Примечательно, что за также отпечатанным на машинке базовым текстом «...если таковая не противоречит интересам революционного движения» следует рукописная строка — «а типография — не газета одной из революционных организаций», что свидетельствует по крайней мере о том, что Исполком Совета располагал сведениями о случаях захвата типографий. Кроме того, этот документ отличает и разборчивая подпись члена Исполкома Петра Александровича[4]. На следующий день, 5 марта, Исполком Совета продолжил выдачу документов, причем иногда они выходили на бланках, в иных случаях — только с машинописным текстом и под заголовком «Разрешение».

Таким образом, пик возобновления выпуска печатных изданий приходится именно на эти два дня — 4 и 5 марта: помимо перечисленных изданий, получавших «Удостоверения» и «Разрешения» Исполкома Совета в течение этих двух дней, выпуск возобновили и крупная меньшевистская газета «День», которая демонстрировала начало «новой жизни» новой же нумерацией — 5 марта газета вышла под номером 1 (1573); в этот же день, 5 марта, вновь вышел в свет и официоз кадетов — «Речь» и другие издания.

Заключение

Первоочередной причиной прекращения выпуска газет в Петрограде и Москве в конце февраля — начале марта 1917 г. послужили действия старых властей, а также угроза таких действий, влиявшая на решения издателей о прекращении выпуска.

Кроме того, целый комплекс причин, вызванных обстановкой на улицах Петрограда, в том числе участие в забастовочном движении типографских рабочих, затруднения в работе транспорта, также провоцировали перерыв в выпуске печатных изданий.

При этом прекращение выпуска газет коснулось в первую очередь и наиболее масштабно Петрограда, в меньшей степени — Москвы.

Возобновление выпуска газет Петрограда и Москвы в качественно новых условиях свободы слова приходится на 4—5 марта 1917 г., причем наибольшую активность нормотворчества в области регулирования вопросов печати проявлял наряду с деятельностью Временного правительства Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов.

[4] Там же. Л. 4.

Разумеется, проблема прекращения выпуска печатных изданий Петрограда и Москвы в конце февраля — начале марта 1917 г. изложенным не исчерпывается, ее изучение будет продолжено.

Список литературы

Архив новейшей истории России // Журналы заседаний Временного правительства / Отв. ред. Б.Ф. Додонов; сост. Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская. Т. I—IV. М.: РОССПЭН, 2001, 2002, 2004.

Минаева О.Д. Февральская революция 1917 года и русская печать // Ученые записки. Вып. 2. Журналистика. М.: Изд-во УРАО, 2003.

Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

Поступила в редакцию
11.01.2011